

БОЛЬШОЙ ПИСАТЕЛЬ И ГРАЖДАНИН

Литературный путь Стефана Зорьяна характеризуется устойчивостью творческих принципов, классической чистотой художественных критериев, пониманием высокого общественного значения литературы. С удивительной последовательностью и убежденностью он следовал лишь здоровым и жизнеутверждающим традициям классического реалистического искусства, на национальной основе продолжал лучшие достижения русской и западноевропейской прозы, постоянно оставаясь прежде всего крупным армянским прозаиком со своим оригинальным национальным обликом, тематикой, стилем и идеалами, будучи наследником утвержденных Туманяном принципов народности и реализма, естественности и ясности. Он с беззаветной преданностью служил родной литературе и народу, оставив поколениям неоценимые духовные ценности. Так определил творческий путь Стефана Зорьяна член-корреспондент Академии наук Армянской ССР, директор Института литературы имени М. Абеяна Э. Джрбашян на научной сессии, посвященной 90-летию со дня рождения писателя.

Теме «Исторические романы Стефана Зорьяна» были посвящен доклад доктора филологических наук, профессора С. Агабабяна. Материал трилогии «Царь Пап», «Армянская крепость», «Вараздат» писатель

почерпнул в сложных и противоречивых событиях одного из самых тяжелых периодов для армянской государственности — четвертого века.

Трилогия Ст. Зорьяна представляет развитие жанра исторического романа на современном этапе, этапе реализма. Из «биографии века» вырастает историческая биография народа.

Еще в молодые годы Зорьян написал статью «Кто такой Туманян?». В этой статье говорилось о том, что армянское литературоведение и критика осознали спустя десятилетия. «Туманян — общенациональный поэт. Туманян — это армянский Пушкин». В обоих поэтах Зорьян видел и высоко ценил большую общность — подлинно народный характер литературного искусства. В докладе «Стефан Зорьян и Ованес Туманян» о внутреннем родстве этих двух корифеев говорил кандидат филологических наук Н. Адалян.

В докладе доктора филологических наук Е. Алексанян «Ст. Зорьян и чеховские традиции» говорилось, что Зорьян больше всего ценил в Чехове его непримиримость к мещанству, к уродливым сторонам действительности, его поэтическое отношение к прекрасному в жизни и человеческой душе. Для армянского писателя наиболее важными были уроки гуманизма и мастерства Чехова-новеллиста. Зорьян

я воспринимал их творчески, в оригинальном преломлении, что способствовало вызреванию и расцвету его самобытного таланта.

Первой же выпшедшей в свет книгой «Хмурые люди» Ст. Зорьян привлек внимание общественности. Анализ новелл и рассказов этого

сборника содержал доклад заместителя директора Института литературы им. М. Абеяна В. Мнацаканяна.

Академик АН Армянской ССР А. Ганалаян поделился воспоминаниями о большом писателе и гражданине.

(Арменпресс).

ВЕЧНО СОВРЕМЕННЫЙ

Всякий раз, когда заходит речь о писателях-классиках и классике вообще, в числе многих других вспоминается, в первую очередь, Стефан Зорьян. И действительно, своим огромным литературным наследием, глубоким знанием жизни всех слоев народа, умением мастерски выражать мысли и чувства, да и просто своим прекрасным человеческим обликом Стефан Зорьян являет собой удивительно гармоничный образ армянского писателя-классика.

Чувство огромного уважения, которое внушает нам его имя, объясняется, несомненно, не только литературными ценностями, оставленными нам этим бесконечно трудолюбивым, принципиальным и плодовитым писателем. Это в свою очередь. Но есть и другое обстоятельство, заставляющее часто обращаться к его творческим принципам, чаще окидывать взором его литературное наследие. Для каждого молодого литератора, будь то поэт, прозаик, драматург или литературовед, Стефан Зорьян является одним из тех классиков, к которым неизбежно возвращаются не только для того, чтобы отдать дань уважения, но и, в первую очередь, чтобы выверить верность своих собственных убеждений и принципов. И вот в одно из таких мгновений своеобразного «диалога»

я вдруг с удивлением ощутил, как незаметно начали стираться искусственные границы, разделяющие классика и моих современников. Ведь как часто в нашей повседневной литературной жизни, в ходе полемик или просто бесед теоретического плана, особенно, когда речь идет о тех или иных задачах молодой литературы, мы противопоставляем классическое современному как завершенное собрание окаменевших традиций, как явление, которое замыкается рамками своего прошлого «хозяйства» и напоминающее своего рода краеведческий музей. Такое искусственное противопоставление, несомненно, не приносит пользы ни нашему прошлому, ни настоящему. В результате такого противопоставления у молодых, особенно у начинающих, может невольно появиться незаконное чувство собственного превосходства, неверие в бесперспективность литературного процесса. И не случайно сегодня наблюдается стремление взять под защиту классики попытку дать вторую жизнь архаическим, отжившим свой век принципам. Однако пример Стефана Зорьяна вновь и вновь подтверждает, что нет ни одного классического писателя, который своим кредо, своими принципами и взглядами не был бы устремлен в будущее. Не случайно также, что, перечи-

тая статьи Стефана Зорьяна, особенно те, которые касались текущих литературных задач, я вновь убедился, что он стоял и всегда будет стоять рядом с теми, кто сегодня, завтра или когда угодно будет стремиться сказать в литературе новое, самобытное, свежее слово.

Характерно, что писатель, озабоченный будущим нашей литературы, особо подчеркивал первостепенное значение развития литературной профессии, культуры, личности самого писателя.

«Писатель, как и инженер, как врач, должен специализироваться в своей профессии, только тогда можно ожидать от него полноценных произведений. Это элементарная истина. Так было и в прошлом. Кто совершенствовался в своем искусстве, тот и создавал значительные произведения. Дилетантизм ничего ценного выдать не может. А наши писатели сегодня, даже старшего поколения, в большинстве своем дилетанты». Хотелось бы привлечь ваше внимание и к другому открытию из этой статьи, написанной в 1930 году. «Есть люди, которые считают, что учиться у писателей других народов — это космополитизм, это презрение к писателям армянским. Форменное заблуждение. Тот, кто хочет изучать технические науки, не пойдет в

учения к кузнецу своего села, даже если этот кузнец талантливый и для своего села — кудесник. Он пойдет в политехнический институт, если это возможно. С этой точки зрения, наши сегодняшние писатели, вместо того, чтобы учиться у Раффи и других, могут учиться у лучших мастеров — у Флора, Льва Толстого, Пушкина, Гауптмана, Джека Лондона и т. д. Учиться не для того, чтобы быть похожим на них, а чтобы охватить жизнь, усвоить их приемы и, таким образом, находить новые формы.

Даже эти цитаты достаточно для того, чтобы доказать: Стефан Зорьян со своими взглядами продолжает участвовать в решении самых важных задач современной литературной жизни, занимая позиции более современные, чем многие из наших архисовременных критиков-писателей.

И закономерно, что еще многие поколения будут восхищаться его тонкими человеческими рассказами, романами и повестями, переводами лучших образцов русской и мировой литературы. Вечно современный — таково мое представление о художнике-классике. Поглощено моему убеждению таким вечно современным классиком является Стефан Зорьян.

О. ГРИГОРЯН.

УРОКИ ГУМАНИЗМА И МАСТЕРСТВА

Близость Стефана Зорьяна чеховской новеллистической школе уже давно признана армянским литературоведением. Духовное родство с Чеховым удостоверяет и сам писатель, многократно высказывавшийся по поводу творчества великого русского писателя.

Армянский советский писатель ценил в Чехове прежде всего его непримиримость к мещанскому быту, к «уродливым сторонам жизни», к собственнической психологии, его поэтическую устремленность к красоте жизни и человеческого духа, к будущему родины. «В лице Чехова, — писал Зорьян, — армянские писатели видели многостороннего критика самодовольной, ограниченной жизни и тонкого художника, который немногими словами может сказать многое, который в своих миниатюрных произведениях реалистическими и типическими штрихами дает философию и психологию реальных людей. Я лично высоко ценю эти качества Чехова и многому у него научился».

Как художник, Чехов близок Зорьяну сжатостью повествования, реалистической глубиной постижения жизненных явлений, простотой или отсутствием фабулы, стилизованной манерой, вбирающей в едкую насмешку, и сочувствие, и лирическое раздумье.

По-чеховски кратко организуя повествование вокруг мелочей быта, Ст. Зорьян обладает редким умением так повернуть эти пресловутые мелочи, как сказал бы Гоголь, «дрябл жизни», что пе-

ред читателем является характер во всей неповторимости движений души или бездуховности, жизненное явление, восходящее к осуждаемому укладу жизни.

Интересно, что ряд новелл цикла «Грустные люди» (вспомним чеховский цикл «Хмурые люди») близок чеховским и по сюжетике, по схваченному типу характера, теме. Герои Зорьяна грустны из-за несостоявшегося счастья, общей серости и бессмысленности жизни. Они страдают из-за своего бессилия, подавленности, мелочности интересов. А когда перестают страдать, значит перерождаются, деградируют, становятся равнодушными к несчастью других, поглощены собственными мелочными интересами: насыщением утробы, душным мещанским счастьем, наущничеством, похотливостью, ложным самоутверждением.

Микровидением новеллиста, мастерством психологического рисунка, искусством значительных социальных обобщений на небольшой площадке рассказа, несомненно укрепшим благодаря благотворному влиянию чеховского направления, владеет и Стефан Зорьян. Он внес в армянскую новеллу то жизнеощущение, ввел тот мир героев, тот воинствующий антимещанский дух и, наконец, то изящество, артистизм, который в армянской литературе корреспондируется с именем Зограба, отчасти Нар-Доса, а в русской — с Чеховым.

Чудаковатые, неустроен-

ные, скучные маленькие люди населяют дореволюционные новеллы Зорьяна — бухгалтера, продавцы, учителя. На небольшой площадке рассказа с ними не происходит ничего значительного, да и кажется, что и не может произойти, настолько незначительны их потребности, огорчения, даже мечты. Но вот чуть глубже захвачен исследуемый пласт жизни и наливаются драмы, спровоцированные тяжелым, бездуховным бытом.

Трагический финал ординарных судеб зорьяновских героев (кончает самоубийством герой рассказа «Шутка» и банковский служащий Пропос, герой одноименного рассказа) симптоматичен. Это своего рода бунт, протест личности против будничности, пошлости существования, против пародии на жизнь, в которую она вовлечена независимо от себя непонятными ее законами. Собственно, все творчество Чехова, если попытаться определить его сквозную тему, и выражает это неуемное стихийное или осознанное стремление героя высвободиться из тисков жизненного шаблона и, с другой стороны, невозможность или почти невозможность обретения достойной человека жизни.

Противоположная точка отсчета связана с деградацией личности, ее предельным опущением. Чрезвычайно важна в понимании феномена беликовщины (а именно разновидность беликовщины представлена на суд читателям в рассказах «Пропос» и

«Термометр») ее добровольность. У Чехова Беликов — обыкновенный учитель, у Зорьяна — повар («Термометр»). Надзирание за душами людей не входит в круг его обязанностей. Перед нами акт свободного развития личности в сторону ее обезличивания и самокабаления воинствующим отказом от всего лучшего, человеческого. Мы воспринимаем образ «армянского Беликова» во всей его злобешней сути, в особенности потому, что он неотделим от общей цепи своего рода портретной галереи типов «грустных людей», будничных, пошлых людей без мечты, без духовных интересов.

В творчестве Зорьяна находят сходное с чеховским эстетико-философское воплощение проблемы прекрасно го. В «Яблонева саде» во всей цельности раскрывается эстетическое кредо художника, верящего в высокое предназначение человека творить прекрасное, украшать землю, пересоздавать себя, свое внутреннее «я» по законам гармонии и красоты. Пронзительная лирическая интонация пронизывает эту повесть о победе человеческого духа, о душевной щедрости, о красоте человека земли.

Уроки гуманизма и мастерства Чехова были восприняты Ст. Зорьяном, претворены в его творчестве, способствуя созреванию большого оригинального дарования армянского советского писателя.

Е. АЛЕКСАНИАН.